ТУГАЙНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ НУКУСА

Нукус сам по себе город не зеленый, но вокруг него расположились островки тугайных лесов, уникальных природных комплексов в пойме Амударьи.

Экоальманах «Просто пишем о среде» (4-й выпуск), 2009г.

Нукус сам по себе город не зеленый, но вокруг него расположились островки тугайных лесов, уникальных природных комплексов в пойме Амударьи.

Еду на родину, в Нукус, поездом. В Ташкенте не так жарко, и я рассчитывала на неутомительное путешествие. Однако вагон раскалился и отдает свой жар нам, пассажирам, чем ближе к Нукусу, тем сильнее. Вагонная духота кажется приятной прохладой в сравнении со зноем на перроне. Прямо с вокзала прошусь у друзей на Амударью. Да только гостеприимные хозяева не спешат с пляжем, а везут домой, где ждут чай с молоком и бешбармак.

Сидя во дворе на топчане, мысленно прокручиваю события тех лет, когда жила в Нукусе. Вспомнились походы в амударьинские тугаи, обжигающий щиколотки серебристо-белый песок, ускользающая тень туранги, глинистая вода. Постой-постой, память, где ж все это было? Ах да, в Саманбай-тугае. Вот куда надо ехать в поисках прохлады!

Саманбай-тугай находится недалеко от города, близ аула, от которого и взял название, а «тугай»… Это тюркское слово обозначает прибрежные леса. Но с экологической точки зрения это гораздо более сложное образование — экосистема, в которую вмещаются переход от открытой воды к песчаным или илистым берегам и береговой линии, зарослям тростника, прирусловым галерейным лесам, засухоустойчивым кустарникам.

В прошлом тугаи были широко распространены на территории Центральной Азии, но сохранились лишь небольшими участками — составляют менее десяти процентов территории, занимаемой ими четверть века назад. Самые крупные сохранившиеся участки расположены в дельте Амударьи. Тут — 75 процентов общей площади тугайных массивов Узбекистана и 20 процентов — региона.

Саманбай в пору моей юности был маленьким поселком, сейчас стал продолжением Нукуса, куда едут маршрутные такси и автобусы. А Саманбай-тугай — это сравнительно небольшой лесной участок вдоль русла Амударьи, относится он к Нукусскому лесхозу, поэтому охраняется лесниками, но доступен для посетителей. Лучше ехать к нему через поселок по нормальной дороге, иначе есть опасность увязнуть в полуметровой пыли. Нам приходилось выталкивать из нее машину.

Мы оставляем машину в поселке и дальше идем пешком мимо небольших усадеб

местных жителей. От других жилищ в Узбекистане они отличаются тем, что двор обычно гладко вытоптан и утрамбован как бетон. Нет ни цветов, ни травы, ни деревьев, хотя вокруг изгороди, а за ними вдоль арыков растут деревья.
Один из таких дворов как раз проходим. Посередине постелены камышовые циновки и войлочные ковры-кигиз. Хозяин, загорелый каракалпак, белозубо улыбаясь, спрашивает по-русски о житье-бытье. Почти все здесь свободно изъясняются по-русски, по дороге встречаются светловолосые дети, говорящие по-каракалпакски. Объясняется все просто — много смешанных браков плюс соседство Саманбая с поселком, где с конца XIX века живут русские старообрядцы.
Дома заканчиваются, и мы входим в самый настоящий галерейный пойменный лес. Высокие деревья смешаны с кустарниками и травами. Если отклониться от тропы, можно заметить след черепахи или змеи. Мы аккуратно двигаемся по узкой тропе не только из-за змей. Не доглядишь — попадешь ногой в муравейник или чью-то норку. Наш путь пересекают ящерицы и жуки, спеша по своим делам. Не боятся прохожих воробьи и сороки, продолжая плескаться в редких лужах.
Туранга поражает разнообразием форм листьев — от узких светло-зеленых, сизых до больших «звездочек». Ее стволы также заставляют удивляться. Причудливо искривленные, сросшиеся или, наоборот, разветвляющиеся, они — как декорации при съемке детских фильмов-сказок. Скоро река, и туранга становится выше и стройнее, она любит влагу и составляет основу пойменного леса. Рядом с турангой близ воды растет джида (лох), листья которой узкие и почти белые.
Ягоды джиды еще зеленые, но из любопытства срываю одну и кладу в рот. Вспоминаю детство, когда мы, не дожидаясь пока джида созреет, ели ягоды летом. Точно так — во рту шероховато и вязко, а язык непослушен. Вот и ивы, а потом обрыв, затем сырой песок, по которому босиком идем к Амударье…
На следующее утро решаем ехать в Грачевую рощу, где мы когда-то целой толпой умудрились заблудиться в поисках пионерского лагеря. Сбились с дороги и оказались у канала в прохладной роще. С тех пор любили ездить сюда не только искупаться и отдохнуть, но и побыть наедине со своими мыслями, пофилософствовать среди высоких деревьев, слушая птиц.
На этот раз удивила многолюдность в Грачевой роще. Отдыхающие облюбовали самую доступную часть берега, к которой ведет асфальтированная дорога, а предприимчивые жители соседнего аула поставили юрты на берегу водоема, приглашая отдохнуть. Экскурсия по окрестностям только разочаровала — везде грубая печать присутствия человека. У кострища лежит целый пакет с мусором, а вот свежий пень, который по размерам стол заменит, насос качает воду в огород, есть и иные приметы антропогенного пресса на природу.
Встречи с тишиной не состоялось. Зато встречаем много знакомых с семьями, выбравшихся в рощу отдохнуть от бетонного города. Дети кричат от удовольствия. А птиц не слышно. Грачевая роща, похоже, утратила первую часть своего названия.
В тугаях, что выстроились вдоль берега Амударьи у Ходжейли, совсем другие ощущения. Буквально продираемся сквозь заросли. Здесь природа сумела сохранить и турангу, и джиду, и иву, и чингил. А сколько птиц и насекомых вокруг! Дикая природа всего в сотне шагов от шоссе. Еще полвека назад в этих местах было опасно ходить без оружия — столько водилось хищных животных. Что уж говорить о весенних разливах Амударьи, размывавшей берега и дамбы, вырывавшей с корнем деревья, смывавшей дома. Сегодня, глядя на мелководную речку, трудно поверить в то, что она была — Джейхун, бешеная.

Неторопливо продвигаемся вдоль берега, стараясь быть в тени туранги и джиды, и упираемся в пески. Когда-то здесь бурлила река. Удивительно меняется ландшафт вокруг. Вот уже нет деревьев и кустарников, а только верблюжья колючка под ногами и горячий песок. С бархана на бархан перебегают пауки, песок шевелится вокруг, перегоняемый с места на место ветром, заметая следы.
Кажется, что мы в пустыне, из которой нет выхода, хочется пить. Но, взобравшись на первый же бархан, видим кромку воды. Пески сменяют заросли кустарника, прохладная туранговая роща. Неожиданность — затон, оставшийся с весеннего разлива, в нем даже водится рыба. Мальчишка показывает полную сетку рыбешек, и снова за дело. Неторопливо закидывает леску с наживкой и замирает, слившись воедино с поплавком. Подошел к концу еще один день путешествия вокруг Нукуса. Есть в нем не только радость, но и грусть. Тугайное ожерелье Нукуса потеряло немало драгоценных бусин.
Эльмира АЛЕЙНИКОВА
Экоальманах «Просто пишем о среде» (четвертый выпуск), 2009г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

28.02.2009